

УДК 82.09.001.5 Мережковский

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-1-42-47

Е.А. Муртузалиева

**Д.С. Мережковский в критической прозе современников:
В. Иванов «Мимо жизни»**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; fiona70@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности авторской рецепции В. Иванова в оценке религиозной и культурологической концепции Д.С. Мережковского и в целом его деятельности. Исследуются её мотивация, философский подтекст, объективность авторских оценок и символический смысл названия эссе. В статье также определяются интертекстуальные связи эссе в контексте литературной жизни эпохи. Отмечены особенности композиции эссе, её кольцевой характер, а также такие стилистические приемы, как ирония, образность сравнений. Образ Мережковского в эссе создается при помощи рецепции его художественных произведений и работ.

Ключевые слова: *эссе, критические оценки, объективность, субъективность оценок, мотивация, авторская рецепция, религиозная и культурологическая концепции Мережковского.*

Личность Д.С. Мережковского, его творчество, в частности культурно-историческая и религиозная концепции, неизменно вызывали жаркие дискуссии как у современников писателя, так и у исследователей его наследия. И «Религиозно-философские собрания» как трибуна для обсуждения проблем культуры и религии, не-охристианства, и «Религиозно-философское общество» (1907–1916), основанные супругами Мережковскими, по-разному оценивались современниками и Православной церковью. Погрузившись в атмосферу российской культурной и литературной жизни начала XX века, в деятельность Д.С. Мережковского дают воспоминания и работы Г. Адамовича [1], А. Белого [2; 3], А. Бенуа [4], Н.А. Бердяева [5; 6], А. Блока [7], В.П. Буренина [8], В.В. Розанова [9], Ю.К. Терапиано [10] и других его современников. Историософские взгляды писателя становились объектом исследования философов и культурологов С.П. Бельчевичена [11], Т.И. Дроновой [12], В.А. Кувакина [13], А.Н. Николюкина [14], О.В. Пчелиной [15]. Несмотря на интерес к творчеству В. Иванова, вышедший в 2010 году выпуск материалов и исследований [16], его критическая проза, в том числе и посвященная Д.С. Мережковскому, не нашла еще своего исследователя.

Статья Вячеслава Иванова «Мимо жизни» была опубликована в газете «Утро России» в 1916 году и в жанровом плане представляет собой эссе, состоящее из четырех небольших глав. Примечательно название эссе, контрастно перекликающееся с «Живой жизнью» В. Вересаева, написанной в 1914 году, одна из частей которой посвящена Ф. Ницше («Аполлон и Дионис» (О Ницше)). В. Вересаев в «Живой жизни» противопоставляет Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, воплощение «живой жизни» – ницшеанству и декадентству, ярким проповедником идей которых и был Мережковский. Вячеслав Иванов символически же выводит своего героя из нее. Он как будто не «в жизни», не «среди нее», а «мимо». Название отражает идею эссе и является прямой

оценкой героя, Д.С. Мережковского, а вся работа композиционно выстроена так, что выявляет особенности авторской рецепции и мотивацию итоговой оценки.

Ситуация вокруг Д.С. Мережковского напоминает нам атмосферу общественно-го резонанса и полемики по поводу Ф.М. Достоевского, сложившуюся после статьи Н.К. Михайловского «Жестокий талант», заявившего в ней о «жажде личной проповеди» у Достоевского, и речей в защиту писателя В.С. Соловьева, обвинений К.Н. Леонтьева, назвавшего Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского «новыми христианами». И если обвинения в адрес Ф.М. Достоевского представляются нам субъективными и бездоказательными, то этого нельзя сказать о Д.С. Мережковском. Об этом свидетельствуют и работы Мережковского, и люди, близко общавшиеся с ним.

Так, Н.А. Бердяев в «Самопознании» вспоминал: «Мережковские всегда имели тенденции к образованию своей маленькой церкви и с трудом могли примириться с тем, что тот, на кого они возлагали надежды в этом смысле, отошел от них и критиковал их идеи в литературе. У них было сектантское властолюбие. Вокруг как бы была атмосфера мистической кружковщины» [6, с. 141].

Сотрудничество в журналах «Новый путь», «Вопросы жизни» свело, по словам Н.А. Бердяева, людей, пришедших из разных миров и разошедшихся потом по разным мирам. Среди них были и сам Н. Бердяев, и В. Розанов (оказавший большое влияние на «теорию плоти» Мережковского), и супруги Мережковские, и А. Блок, и Ф. Сологуб, и В. Брюсов, и многие другие.

Первая часть эссе представляет собой своеобразное введение, выдвигающее тезу и в дальнейшем разъясняющее ее: «Для людей, знающих и любящих Мережковского, его религиозно публицистическое подвижничество – волнующая и грустная загадка» [17, с. 355]. И в этом смысле эссе начинается с того, чем заканчивается «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского. Однако в отличие от последней, В. Иванов не оставляет финал эссе открытым, а прямо высказывает свое мнение и аргументирует его.

Работа В. Иванова в жанровом отношении представляет собой эссе критической прозы. Главной задачей критика является оценить масштаб деятельности Мережковского, создать его образ в эссе при помощи апелляции к его произведениям и религиозно-философским размышлений.

С первых строк эссе В. Иванов типологически определяет своего героя: «Он был первым из обособившихся в интеллигенции, кто восхотел “опроститься” до типического, исконного, истого русского “интеллигента”, – как встарь интеллигенты искали “опроститься” до “народа”» [17, с. 354]. Критик заявляет, что все усилия Д.С. Мережковского на ниве проповедничества «третьего завета» и христианской общественности остались бесплодными и темными, ведь интеллигенции до подобной религии мало дела. Одним проповеди Мережковского кажутся сомнительными, а другим – преждевременными.

Здесь эссеистский характер работы подчеркивают размышления Вячеслава Иванова об «обособлении» как определенной тенденции в среде русской интеллигенции, причем критик намекает на Льва Толстого, обособившегося до «опрощения до народа», в противовес обособлению Мережковского.

Вячеслав Иванов сразу же обозначает «загадку» Д.С. Мережковского, тогда как Ф.М. Достоевский в своей «Пушкинской речи», проанализировав творчество гениального поэта, этой самой загадкой финализировал речь- очерк. Этот композиционный прием очень важен, поскольку в имплицитной форме также указывает на авторскую идею эссе, намекая на мифический или, выражаясь современным языком, «фейковый»

характер этой загадки, в противовес истинной загадке многосмыслового и вечного творчества А.С. Пушкина.

Именно поэтому В. Иванов помещает героя своего эссе в культурное пространство «вечных спутников» (Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского) самого Мережковского, в чем есть некий иронический оттенок.

Как раз в отношении Д.С. Мережковского у критика не возникает сомнений по вопросу о желании проповедовать, только эта проповедь у Мережковского превращается в исповедь о собственном богоискательстве. Критик не сомневается в искренности Мережковского, называет его деятельность «религиозно-публицистическим подвижничеством» [17, с. 355], однако его оценка достаточно категорична. Иванов говорит об ошибке Мережковского, вызванной поспешностью и прямолинейностью суждений, ибо связывать в логическую цепочку причинно-следственных связей веру и ее проявление в политическом действии, а при ее отсутствии – объявлять веру ложной – ошибка. И эта категоричность проявляется даже в рубленой стилистике фразы.

Во второй части эссе В. Иванов отмечает великую заслугу Мережковского в неустанном исповедании веры, а ошибку – в том, что, осознавая бездейственность «старой» веры в русском политическом движении, он предлагает по-своему понятую «новую». Иванов нисколько не отрицает искренность веры Мережковского, но видит в самом акте исповедания возможность подмены: «Религиозный императив должен быть категорическим, а не антиномическим по форме; трагедию (сущность которой есть антиномическое действие) можно переживать, но запретно проповедовать» [17, с. 356]. Отсюда вывод: будучи христианином, Мережковский не имеет права личное, случайное и временное спутничество возводить в ранг религиозной и общественной доктрины.

И уже здесь Иванов видит причины того, что его же спутники не верят ему, а если не верят соратники, то как могут поверить другие люди? Эта часть эссе так же строго логична, как первая, но при этом эмоциональна и насыщена риторическими вопросами, содержит даже латинские выражения, выстраивающие временную вертикаль от времен Юлия Цезаря к началу XX века.

В третьей и четвертой частях эссе В. Иванов для иллюстрации взглядов героя обращается к творчеству Д. Мережковского, привлекая для аргументации отрывки из дневника «Было и будет. Дневник (1910–1914)» и пьесу «Будет радость». Иванов цитирует строки из дневника Мережковского, посвященные Д. Желябову, и в интерпретации слов Желябова видит исходную точку призыва Мережковского соединить религию и революцию. По мнению Иванова, имя Христа не терпит соединения ни с каким другим лозунгом или именем, кроме личного имени верующего. Мережковский же соблазнился «Именем Христа»: «Мало ему было этого единого Имени; полюбил он еще и другое: «Революция», – и захотел соединить оба в одно. <...> двум же господам вместе служить нельзя» [17, с. 358–359].

Отметим, что В. Иванов прекрасно разбирается в категорических силлогизмах, используемых Мережковским, и четко отмечает те места, где происходит метонимическая подмена, смешение религиозных и общественных понятий, веры и революции.

Четвертая часть эссе начинается с категоричного утверждения: Мережковский – мучительная загадка даже для бывших друзей. Следующий за утверждением тезис дает в концентрированном виде итог религиозно-общественных исканий Мережковского. Для него даже само название пьесы («Будет радость») звучит диссонансом, поскольку обещанной «радости» в процессе или после чтения критик не испытывает.

Иванов обращается к пьесе «Будет радость» и вновь поднимает вопрос о загадке Мережковского, композиционно закольцовывая эссе, что также, на наш взгляд, придает

ему дополнительный символический смысл. Хождение «мимо жизни» дополняется значением «хождения по кругу», блужданием среди узких теоретических схем и построений.

Примером такого блуждания видится Иванову и пьеса «Будет радость», а её героиня представляется критику духовной ученицей или alter ego автора. Героиня пьесы обещает больше не произносить имени Христа, чтобы не уподобляться церковному черному вороню, которое связывается Мережковским с реакционным православием. Рецепция пьесы у критика тонко иронична, что демонстрирует образность сравнений («Катин ручеек», «река общественности»), и ее итог – «внутреннее банкротство нашего богоискательства» [17, с. 360].

Иванов видит в пьесе Мережковского, что «жизненное ему не дается, что он идет мимо жизни, что его слово ничего не изменяет в существующих соотношениях общественных и духовных сил, что эта река, обещавшая некогда подводными струями пролиться по жаждущим нашим пажитям и торжественно втечь в некое светлое озеро море, из волн которого звучат звонь Града, впадает после многих излучин скучным притоком в пообмелевшую реку нашего старого радикального народничества» [17, с. 359–360]. Вся пьеса «построена в области схематических контролерз» и кажется Иванову запоздалым памфлетом против Достоевского. Мережковский видит в Достоевском вечную метафизическую силу русской реакции, силу сопротивления старого порядка новому. И его рецепт преодоления этой реакции построен по формуле, уже озвученной им в статье «Чехов и Суворин»: преодолеть в Чехове чеховщину, сувориновщину, преодолеть Достоевского и достоевщину.

Иванов в принципе против такой постановки вопроса, но отмечает, что на религиозной почве сделать этого Мережковскому не удается, так как он проваливается в трясину, тогда как великий Достоевский стоит на камне. Иванов утверждает: «Но возможно другое: ...можно плясать вокруг стоящего гrimасничающей по земле тенью. Впрочем, Федя из новой пьесы, восковая кукла, слепленная из частей Ивана Карамазова, Ставрогина, Кириллова и Свидригайлова, скорее предназначена к пропаганде одного из важнейших учений Достоевского – о внутреннем распаде уединившейся личности. Другое дело – изображение православия, в котором Достоевский знал движение Духа жива. Старец, сменивший в пьесе Зосиму, приказывает ученику красть чужие письма, а ученик старца, Гриша, отличный от Алеша уже тем, что не из монастыря уходит в мир, а из мира в монастырь, – жалкий и мрачный идиот. А мы, прельщеные «метафизиком русской реакции», чуть не целых сорок лет затаенно надеялись, что не пона-прасну юный питомец Зосимы вышел в мир из стен благословенной обители. Впрочем, дух Алеша в миру творит свое дело втайне; когда он раскроется, – неложная «будет радость». А про пугала пьесы скажем: страшен сон, да милостив Бог» [17, с. 361].

Не случайным представляется нам обращение В. Иванова в finale очерка к Достоевскому и его образам, ведь Достоевский – пожалуй, самый близкий «спутник» Мережковского и самый частый объект анализа и размышлений в его литературоведческих работах и критической прозе. Думается, Иванову видится в подобной близости не только знак восхищения и любви, но и доля соперничества, желание превзойти «учителья» и в плане популярности, и по авторитету, желание сказать свое «новое слово», пре-восходящее слово Ф.М. Достоевского, что и прорывается в пьесе «Будет радость» по-лемической нотой. Но «вышедший в мир» Алеша для В. Иванова гораздо убедительнее всех героев пьесы Мережковского и преемников старца Зосимы и Алеши в монастыре в романе Достоевского.

Таким образом, по мнению В. Иванова, пьеса Д.С. Мережковского в конечном итоге оказывается «мимо жизни», как «мимо жизни» оказываются и сам Мережковский, и его религиозно-философские искания. Его эмиграция из России после событий Октября 1917 года, его отношение к Советскому государству и Гитлеру – яркое тому свидетельство. Его литературно-критические труды и художественное творчество на долгие десятилетия ушли в небытие.

Удивительно, но и Ю. Айхенвальд, и Н. Бердяев, и В. Иванов, и многие другие современники сошлись в своей оценке религиозной концепции Мережковского, отмечая в ней, как и в художественном, публицистическом методе писателя, умозрительность, схематизм, отсутствие оригинальности, синтетичность и любимый композиционный прием – антитезу. Отметим сдержанность и объективность в оценках В. Иванова, несмотря на его непростые отношения с Мережковским, о чем пишет Б.Г. Розенталь [18].

Главный вывод В. Иванова сводится к заявленному в названии: Мережковский в жизни, при всей его значительности и плодовитости – это «мимо жизни», но оставивший все же в ней заметный след.

Литература

1. Адамович Г. Мережковский // Мережковский Д.С.: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 389–401.
2. Белый А. Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 257–266.
3. Белый А. Начало века: отрывки // Мережковский Д.С.: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 267–296.
4. Бенуа А. Мережковские // Д.С. Мережковский: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 448–460.
5. Бердяев Н.А. Новое христианство: Д.С. Мережковский // Бердяев Н.А. о русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – Ч. 2. – С. 127–148.
6. Бердяев Н.А. Русский культурный ренессанс начала XX века: встречи с людьми // Самопознание: опыт философской автобиографии. – М.: Книга, 1991. – Гл. VI. – С. 137–166.
7. Блок А. Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 113.
8. Буренин В.П. Литературные эпигоны // Д.С. Мережковский: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 42–52.
9. Розанов В.В. Среди иноязычных (Д.С. Мережковский) // Мережковский Д.С.: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 82–103.
10. Терапиано Ю.К. «Воскресенья» у Мережковских // Мережковский Д.С.: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 432–437.
11. Бельчевичен С.П. Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д.С. Мережковского: учебное пособие / науч. ред. Б.Л. Губман. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 129 с.
12. Дронова Т.И. Историософская концепция Д. Мережковского: основы художественного воплощения // Жизненный мир философа «Серебряного века». – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – С. 204–210.
13. Кувакин В.А. Религиозная философия в России: начало XX в. / – М.: Мысль, 1980. – 309 с.
14. Николюкин А.Н. Феномен Мережковского // Мережковский Д.С.: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 7–28.

15. Пчелина О.В. Цивилизация и духовная культура в философии Д.С. Мережковского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://philhist.spbu.ru/dissertatsii/315-pchelina-olga-viktorovna-filosofskie-vzglyady-d-s-merezhkovskogo-v-kontekste-mirovozzrencheskikh-poiskov-rubezha-xix-xx-vekov.html>
16. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / под ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского, А.Б. Шишкина. – СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2010. – 840 с.
17. Иванов В. Мимо жизни // Мережковский Д.С.: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 354–361.
18. Rosenthal B.G. From Decadence to Religion. Ivanov and Merezkovskij, B: Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internationale dedicato a Vjaceslav Ivanov. I. Testi in italiano, francese, inglese / A cura di F. Malcovati. – Firenze, 1988. Pp. 141–150.

Поступила в редакцию 4 декабря 2020 г.

UDC 82.09.001.5 Merezhkovsky

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-1-42-47

D.S. Merezhkovsky in Critical Prose of Contemporaries: V. Ivanov «Missing Life»

E.A. Murtuzaliyeva

*Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
fiona70@mail.ru*

The article deals with some characteristic features of V. Ivanov's author's reception in religious and culturological assessment of D.S. Merezhkovsky's concept and his activity in general. The author studies its motivation, philosophical implication, objectivity of the author's estimates and the symbolic value of the essay title. The article also defines the intertextual links of essays in the context of the literary life of the era. The features of the essay composition, its circular character, as well as stylistic techniques such as irony, figurative comparisons are noted. The image of Merezhkovsky in the essay is created by means of Merezhkovsky's works and pieces of writing.

Keywords: *essay, critical evaluations, objectivity, subjectivity of estimates, motivation, author's reception, religious and culturological concepts of Merezhkovsky.*

Received 4 February 2020